

Е Цзинь гневно вскрикнула и с силой оттолкнула учителя географии, попытавшегося схватить её за руку. Обретённые вновь свободные руки в следующее же мгновение мёртвой хваткой вцепились в запястье Цзян Яншуй. Глаза Е Цзинь покраснели, и она свирепо уставилась на неё.

— Е Цзинь! Приди в себя!

Однако в этот момент даже сама Цзян Яншуй едва сохраняла рассудок — разве могла она дозваться Е Цзинь?

Железа на затылке инстинктивно ликовала от близости Е Цзинь, она пылала так сильно, что девушке хотелось просто вырезать этот кусок плоти. Но следом за жжением по всему телу прокатилась волна сладкого, опьяняющего наслаждения, заставляя трепетать даже феромоны, которые теперь окончательно смешивались с ароматом сливового вина.

Цзян Яншуй ненавидела это неподконтрольное ощущение: ей казалось, что сейчас она — не более чем дикий зверь, целиком и полностью подчиняющийся низменным инстинктам!

— Учитель, пожалуйста, сделайте и мне укол подавителя, — голос Цзян Яншуй слегка дрожал. Высвободить руки из мёртвой хватки Е Цзинь не удавалось, поэтому ей оставалось лишь обратиться за помощью к учителю географии, которого та оттолкнула в сторону.

— Хорошо.

Хотя на учителя географии тоже действовало общее влияние, оно не было столь разрушительным, как у Цзян Яншуй и Е Цзинь. Отыскав личный подавитель Цзян Яншуй, он успешно сделал ей инъекцию, а затем, глядя на Е Цзинь, источающую вокруг себя волны бурного раздражения, тяжело выдохнул:

— А что насчет неё? Что нам теперь делать? Е Цзинь сейчас слишком опасна, и если она не захочет, они не смогут заставить её подчиниться силой.

Возможно, ранее введённый ингибитор всё же подействовал: хотя феромоны Е Цзинь оставались свирепыми, в них уже не чувствовалось прежнего удушающего давления, способного загнать человека в могилу.

Цзян Яншуй видела, как Е Цзинь до боли закусил губу, а её покрасневшие глаза наполнились слезами, которые покачивались на ресницах и могли сорваться в любой момент.

Она... она терпела.

Цзян Яншуй завороченно смотрела в эти глаза: при всей своей свирепости и крепкой хватке, которой та удерживала её, Е Цзинь изо всех сил сдерживала собственные инстинкты.

— Ученица Цзян! — позвал учитель географии.

Цзян Яншуй на мгновение умолкла, а затем повернулась к преподавателю:

— Учитель, выйдите сначала наружу и скажите всем, чтобы никто не приближался к этому классу.

— Т-ты справишься? — с сомнением глядя на Е Цзинь, переспросила учительница. Сейчас этот альфа выглядел настолько свирепым, что казалось, будто в следующую секунду она перегрызет кому-нибудь хрупкое горло.

— Она отмечена мной, — тихо произнесла Цзян Яншуй.

В данный момент только она была способна усмирить этого взбесившегося альфу. — Хорошо, тогда будь осторожнее. — Учитель географии кивнул, вытер холодный пот со лба и вышел, чтобы разобраться с остальными делами.

Когда учитель ушел, в классе остались только они вдвоем. Е Цзинь тяжело дышала, ее обжигающее дыхание обжигало лицо Цзян Яншуй. Та слегка отвернулась и тихо позвала:

— Е Цзинь, ты еще узнаешь меня?

Однако ответом ей было лишь участившееся дыхание.

Цзян Яншуй изо всех сил старалась окутать Е Цзинь своими феромонами. Помотав головой, она попыталась выкрутить запястье, которое Е Цзинь крепко сжимала, и проговорила:

— Е Цзинь, отпусти меня, пожалуйста, мне немного больно.

Словно поняв слова Цзян Яншуй, Е Цзинь на мгновение замерла, на ее свирепом лице промелькнуло замешательство, но очень быстро свирепость в ее глазах вспыхнула с новой, еще большей силой.

Теперь вино из зеленых слив утратило свой чистый и долгий привкус — оно стало агрессивным, властно воздействуя на каждый нерв Цзян Яншуй.

— Е Цзинь! — прикрикнула Цзян Яншуй, пытаясь отпрянуть назад.

Горячее дыхание обжигало ее шею, острые зубы впились в кожу. Еще чуть-чуть — и клыки прорвали бы хрупкую железу, феромоны хлынули бы внутрь, завершив самый интимный для альфы и омеги шаг: метку.

Тело Е Цзинь полностью оцепенело, зубы словно чувствовали легкое биение железы под кожей, а во рту стоял аромат снежного лотоса, который действовал на нее с фатальной притягательностью.

— Е Цзинь, я Цзян Яншуй, ты все еще узнаешь меня? — голос Цзян Яншуй звучал очень мягко,

словно она боялась, что стоит ей повысить голос, как она спугнет стоящую перед ней альфу и та сорвется, укусив вопреки всему.

На столь близком расстоянии Цзян Яншуй отчетливо чувствовала, как губы на ее шее дрожат. Кончики зубов уже упирались в уязвимую железу, но что-то сдерживало Е Цзинь, и она все никак не решалась вонзить их.

Я не буду любить альф, особенно женщин-альф.

Для меня тела альф слишком отвратительны.

Эти слова словно все еще звучали в ушах. В глазах Е Цзинь промелькнуло замешательство, она подняла голову и посмотрела на Цзян Яншуй. Кристальная слеза, долго дрожавшая на ресницах и не желавшая падать, сорвалась вниз, и теперь она смотрела на нее сквозь туман слез.

Цзян Яншуй чувствовала, как ее тело слабеет, ей безумно хотелось вот так просто провалиться в сон. Но чувство опасности, исходившее от альфы, не позволяло ей расслабиться и уснуть, особенно в этом месте, где совершенно не было никакой приватности. Е Цзинь, я Цзян Яншуй, твоя подруга. Воспользовавшись моментом, когда Е Цзинь ослабила хватку и выпустила её руку, Цзян Яншуй подняла руку и стёрла с её лица слёзы. Всё оказалось именно так, как она и предполагала: эта девушка действительно плакала.

Ты — Цзян Яншуй.

Слова Е Цзинь звучали словно бред наяву, она что-то тихо бормотала себе под нос.

Да, я Цзян Яншуй.

Видя, что слёзы всё не прекращаются, Цзян Яншуй перестала их вытирать, с трудом поднялась на ноги, покачиваясь, и протянула Е Цзинь руку:

— Давай сначала вернёмся домой, хорошо?

По крайней мере, туда, где им обоим будет хоть немного безопаснее.

Е Цзинь подняла на неё взгляд. Пусть она толком ничего не видела, но всё равно изо всех сил старалась запечатлеть этот образ в своей памяти.

Домой? Она хочет забрать её с собой?

Цзян Яншуй вывела Е Цзинь из класса. Коридор неподалёку был плотно забит людьми, и стоило им появиться, как все вокруг инстинктивно отпрянули назад.

Эмоции Е Цзинь с таким трудом немного улеглись, и Цзян Яншуй, разумеется, не хотела, чтобы зеваки снова спровоцировали её. Бросив взгляд на спешившую сзади Фан Цзяхуэй, она тут же перехватила её понимающий взгляд. Фан Цзяхуэй незамедлительно принялась расгонять толпу зевак, освобождая им проход.

— Мы пойдём домой, а в те дни... — тихо произнесла Цзян Яншуй, проходя мимо Фан Цзяхуэй. — Я всё понимаю, не переживайте.

Фан Цзяхуэй кивнула и бросила полный тревоги, но в то же время слегка забавный взгляд на Е Цзинь, которая послушно держалась рядом с Цзян Яншуй. Увидеть Е Цзинь такой выпадало нечасто.

Когда они ушли, из толпы за ними неотрывно следовали два пары глаз, не смещаясь ни на секунду.

К счастью, путь до дома возле школы занимал от силы минут пять. Приведя Е Цзинь в своё жилище и затворив дверь, Цзян Яншуй осталась с ней наедине в замкнутом пространстве.

Феромоны их тел смешивались в воздухе, и в такой обстановке тревога нарастала даже сильнее, чем во время её собственного периода течки.

Сначала Цзян Яншуй налила Е Цзинь стакан воды. Видя, как та послушно пьёт, Цзян Яншуй слегка выдохнула с облегчением: слава богу, та ещё не полностью утратила рассудок, иначе она бы просто не знала, что с ней делать.

В конце концов, в противном случае ситуация вполне могла перерасти в драку друг с другом?

Цзян Яншуй помотала головой, отгоняя эту опасную мысль, и, посмотрев на Е Цзинь, мягко спросила:

— Как ты сейчас себя чувствуешь? Всё в порядке? Её феромоны всё не переставали выделяться, пожалуй, этого должно хватить, чтобы успокоить её?

— Мне плохо, — тихонько заскулила Е Цзинь.

Цзян Яншуй промолчала — максимум, на что её хватало, это позволить Е Цзинь поделиться феромонами, а на всё остальное её сил, увы, не было.

— Свяжи меня, — Е Цзинь посмотрела в сторону двери своей спальни.

Что? Связать?

Цзян Яншуй удивилась, проследила за её взглядом, встала, подошла к двери комнаты и с некоторым сомнением спросила:

— Я могу войти?

Е Цзинь энергично кивнула.

Цзян Яншуй открыла дверь и, разглядев то, что скрывалось внутри, застыла в полном оцепенении.

На широкой кровати Е Цзинь по всем четырём углам были привязаны толстые веревки, которыми можно было накрепко зафиксировать человека.

Увидев эту картину, Цзян Яншуй на мгновение даже растерялась, не понимая, когда это Е Цзинь успела всё подготовить. Эта девушка почти всё своё время тратила на учёбу, откуда у неё вообще возникли мысли заняться подобным?

— Свяжи меня, так ты будешь спокойна.

Е Цзинь вошла внутрь, остановилась у кровати и подняла взгляд на Цзян Яншуй. В её глазах, всё ещё покрасневших, Цзян Яншуй неожиданно уловила попытку успокоить её.

Успокоить.

Цзян Яншуй смотрела в эти глаза — они по-прежнему излучали сильнейшую агрессию, но то, как она себя вела, дарило ей невероятное чувство безопасности.

Она действительно не хотела причинять ей вреда.

Цзян Яншуй шагнула внутрь. Воздух здесь был насквозь пропитан ароматом альфы, стоящей перед ней, и Цзян Яншуй впервые подумала, что на самом деле этот запах не так уж и противен.

Е Цзинь послушно легла на кровать, просунула руки и ноги в петли веревок и, глядя на неё снизу вверх, серьёзно произнесла:

— Затяни покрепче.

Хоть сейчас у неё ещё оставалось немного рассудков, она не могла поручиться, что сохранит ясность ума, когда накатит следующая волна.

В конце концов, в комнате находился омега, да к тому же высший омега, от которого теряли голову все альфы, а её феромоны были самой вызывающей привыкание наркотической заразой в этом мире.

Пальцы Цзян Яншуй слегка дрожали. В чистых прежде глазах девушки-альфы теперь отчетливо проступала сдерживаемая свирепость. Ей отчаянно хотелось верить ей, но здравый смысл нашептывал обратное: нельзя, нельзя так легко доверяться альфам, она не могла позволить себе такую ставку.

Тяжело ступая, Цзян Яншуй подошла ближе, перехватила концы веревок и медленно потянула их, затягивая узел. Это ведь она сама попросила, а она просто поступила так, как та просила, в этом ведь нет ничего такого, верно?

Цзян Яншуй гипнотизировала себя, а когда наконец надёжно связала все четыре конечности, без сил опустилась на краешек кровати и, глядя на лежащую перед ней девушку, почувствовала, что ей немного стыдно смотреть той в глаза.

— Всё, теперь я могу быть спокойна. — Е Цзинь скосила глаза на собственные руки и вдруг расплылась в усмешке.

Так она ведь точно не причинит вреда Цзян Яншуй, правда?

У Цзян Яншуй защемило в носу.

— Спасибо тебе, Е Цзинь.

Спасибо тебе за то, что так упорно сдерживаешь себя, и спасибо за то, что позволяешь мне чувствовать себя рядом с тобой в безопасности.

— М-м, — невнятно отозвалась Е Цзинь. Глаза её чуть забежали, подбородок приподнялся, приняв горделивый вид. — И не нужно меня благодарить! Я ведь не хочу, чтобы моя будущая омега считала меня каким-то неспособным обуздать себя зверем!

Она, Е Цзинь, человек! Человек, способный обуздать собственные инстинкты!

И к тому же тот самый человек, который не хочет расстраивать любимую.

Даже лежа на кровати, она умудрялась задирать подбородок — при всей своей спесивой позе Цзян Яншуй уловила в ней нотки напускного капризного упрямства.

Глядя на Е Цзинь, Цзян Яншуй протянула руку и потерела розовый мех на ее запястьях. Хотя та сама настойчиво попросила связать ее столь грубым способом, к ней самой она все же отнеслась бережно: опасаясь, что тугая веревка натрет кожу, если она станет вырываться, Е Цзинь заранее обернула места соприкосновения мягким пушистым мехом, чтобы не причинить себе вреда.

— Т-тут такое дело... ты не могла бы подтянуть одеяло и укрыть меня? — неожиданно смущенно произнесла Е Цзинь. Лицо ее залилось краской, а взгляд упорно избегал смотреть прямо на нее.

— М? — Цзян Яншуй сперва растерялась, инстинктивно окинув Е Цзинь взглядом, но в следующее мгновение ее собственное лицо покраснело еще сильнее, чем у той.

— Ты куда это смотришь?! — срывающимся голосом завопила Е Цзинь. Обе они словно соревновались друг с другом, одна за другой пылая от стыда.

Цзян Яншуй тут же отвела глаза, легко кашлянула, чтобы хоть как-то сгладить неловкость, и, как и просила Е Цзинь, натянула на нее одеяло. Убедившись, что теперь ничего лишнего не видно, она наконец с облегчением выдохнула.

Е Цзинь по-прежнему выглядела так, будто ее мир рухнул, а в голове крутились лишь заглавные буквы: пропало, пропало, все пропало.

Цзян Яншуй и раньше не любила тела женщин-альф, неужели теперь она станет испытывать к ней еще большее отвращение?

— Пить хочешь? — Цзян Яншуй, тоже чувствуя себя не в своей тарелке, попыталась сменить тему.

— Не хочу. — Е Цзинь боялась даже взглянуть на нее. Связанные руки до боли впились в простыню под ней, и она изо всех сил старалась удержать голос ровным.

Цзян Яншуй кивнула, разговор на этом и закончился, и комнату вновь окутала тишина.

— Т-ты ведь тоже устала? Иди отдохни, — помолчав немного, нерешительно предложила Е Цзинь.

— Я побуду здесь, — покачала головой Цзян Яншуй. В нынешнем состоянии Е Цзинь оставлять ее одну было просто нельзя.

Впрочем, она и правда валилась с ног: тяжелая, затуманенная голова уже не справлялась с нагрузкой. Убедившись, что Е Цзинь обезврежена, она почувствовала себя намного спокойнее, поэтому прямо тут же опустила лицо на край кровати, прижалась к Е Цзинь и провалилась в сон.

Стоило ей уснуть, как взгляд Е Цзинь стал бесцеремонным.

Она смотрела на нее: Цзян Яншуй лежала лицом к ней, и половина ее лица была открыта, а Е Цзинь уже не пыталась скрыть свой взгляд, обнажая перед ней всю глубину своих чувств.

Если бы Цзян Яншуй проснулась сейчас и увидела такой взгляд, она бы непременно догадалась, что творится на сердце у Е Цзинь. Но, к сожалению, та продолжала крепко спать.

Е Цзинь резко зажмурилась, отвернула голову в сторону, отказываясь смотреть на нее дальше. Бви брови сошлись на переносице, а грудная клетка тяжело и часто вздымалась.

Нельзя. Больше нельзя продолжать.

Жар в груди обжигал вскипающую кровь, однако голова оставалась пугающе холодной. Пока их чувства еще не зашли слишком далеко и ничего непоправимого не случилось — это был лучший момент, чтобы вовремя отступить.

Приливная волна накатывала снова и снова, утягивая ее в бездну вожделения. Она вцепилась изо всех сил в единственную тонкую лиану, раскачиваясь между разверзнувшейся внизу пропастью и сияющим сверху светом небес, и не знала, сколько еще ей придется терпеть, прежде чем ее измученная душа сможет обрести хоть капельку покоя.

Впрочем, мучились сейчас не только они вдвоем — в гостинной точно так же места себе не находили еще двое, охваченные тревогой, но не смеющие подняться наверх и проверить, как там дела.

— Мама, тетя, вы уже столько кругов намотали, — озадаченно произнес Цзян Ди, сидя на диване и глядя на обеспокоенные лица взрослых.

Е Чанцин на секунду замерла и остановилась.

Цзян Ли нахмурилась, руки ее, опущенные вдоль тела, судорожно сжались в кулаки, а все тело напряглось до предела.

— С ними ведь... ничего страшного не случится? — тревожно произнесла Цзян Ли. Ее дочь — омега, и было бы странно, если бы она не переживала.

— Ты недооцениваешь мою дочь! — холодно бросила Е Чанцин. Хотя у самой сердце было не на месте, слова Цзян Ли звучали как прямое сомнение в силах Е Цзинь, что ей жутко не понравилось.

— Я не сомневаюсь, я просто боюсь звериных инстинктов альфы, — тут же поправилась Цзян

Ли.

Инстинкт альфы — это стремление к обладанию, и она до дрожи боялась именно этой стороны их природы.

Услышав это, Е Чанцин умолкла. Будучи сама омегой — и особенно омегой, у которой уже был опыт связи с альфой, — она как никто другой понимала, до какой степени безумия те доходят в свой Период восприимчивости.

— Всё иначе, наша а-а совершенно другая! — пробормотала Е Чанцин.

Хотя ее а-а с детства не знала лишений, и они в большинстве случаев потакали ее капризам, от природы та была человеком невероятно добрым, и Е Чанцин верила, что она не похожа на абсолютное большинство альф.

Особенно на свою маму-альфу.

— Хотелось бы надеяться, — Цзян Ли опустила на диван. Сейчас суетиться было уже бесполезно, и единственным утешением оставалось лишь надеяться, что Цзян Цзян всё же способна за себя постоять.

— Хм, сама подумай: если бы не вся эта история, с чего бы нам сейчас сидеть в таком положении? — Е Чанцин скрестила руки на груди и села напротив нее с ледяным выражением лица.

При росте метр семьдесят, даже приближаясь к сорока годам, Е Чанцин выглядела чуть за тридцать. Она прекрасно сохранила фигуру, а благодаря высокому росту и длинным ногам даже эта ее надменная поза ни капли не раздражала, а лишь заставляла думать, что она и должна так возвышаться над всем бренным миром.

Цзян Ли подняла на нее взгляд, меж бровей залегла складка, и в голосе проскользнуло раздражение:

— Если хочешь поговорить, выражайся нормально. Что за «вся эта история»?

Тот, кто не в курсе, подумал бы, что речь идет о чем-то непристойном и запретном.

— С тобой у меня нет никакого желания разговаривать нормально, — Е Чанцин отвернулась, всем видом показывая, что она еще сильнее обижена.

Цзян Ли: «...»

— По-моему, твое нынешнее отношение ко мне совершенно безосновательно, — Цзян Ли потрепала Цзян Ди по макушке, велел ему идти поиграть в свою комнату, а затем продолжила: — В той ситуации много лет назад я тоже была жертвой, и я не считаю, что в чем-то перед тобой виновата.

Как только она узнала правду, то сразу же приняла решение решительно все оборвать. От начала и до конца она оставалась лишь не ведающей ни о чем жертвой.

За окном постепенно темнело, закатное зарево залило все небо, и оранжево-красные языки пламени в вышине пылали до тех пор, пока окончательно не угасли во тьме, и мир вновь вступил в привычный круговорот.

Цзян Яншуй очнулась, чувствуя, будто ее раскалывается голова. Ощущения были точь-в-точь как после сильнейшего похмелья; возможно, из-за того, что она заснула в неудобной позе, все тело жутко ломило и ныло — усталости наутро оказалось даже больше, чем перед сном.

Скосив глаза на Е Цзинь, Цзян Яншуй на мгновение замерла, в упор уставившись на ее железу, и чуть прикусила губу.

— Не смотри на меня так, будто собираешься меня съесть, — застенчиво покусывая губу, протянула Е Цзинь.

Цзян Яншуй: «...»

Если я собираюсь тебя съесть, то почему у тебя такое выражение лица?

Концентрация феромонов обеих девушек в комнате уже поднялась до предела, но судя по состоянию Е Цзинь, ей стало гораздо лучше прежнего — судя по всему, такая обстановка приносила ей немалый комфорт.

Молча бросив на Е Цзинь взгляд, Цзян Яншуй достала телефон и принялась в нем копаться.

— Ты что делаешь? — с любопытством спросила Е Цзинь.

Цзян Яншуй крепче сжала телефон, повернулась к ней и зловеще произнесла:

— За чашей вина вести беседы.

— ???

— На старости лет появились вещи, которые я уже не понимаю?! — Е Цзинь вытаращила глаза от неверия!

— Мало вещей, которые ты не понимаешь? На лекциях всё понимаешь, восемь языков в совершенстве знаешь?

Е Цзинь: «...»

Это в нее какая-то муха укусила? Чего это она такая злая?

Е Цзинь воочию наблюдала за тем, как та из утонченного и благородного зеленого лотоса превращается в ярко-пылающий огненный цветок.

До чего же изменчива... но, черт возьми, как же это заводит!

— Проголодалась? — Цзян Яншуй глянула на небо за окном: судя по всему, она проспала почти целый день.

Е Цзинь честно кивнула: при ее нынешнем раскладе сил это и правда отнимало уйму энергии.

— Тетя скоро зайдет, а я пока поищу что-нибудь, чтобы ты смогла заморить червячка.

— Угу.

Уже у самой двери Цзян Яншуй вдруг замедлила шаги, обернулась на Е Цзинь, которая провожала ее щемящим взглядом, немного помолчала и спросила:

— Тебе... случайно не нужно в туалет или что-то в этом роде?

Пробыть связанной столько времени — наверняка у нее возникли какие-то естественные потребности, которые нужно справить?

Услышав это, Е Цзинь сперва опешила, соображая, к чему был этот вопрос, а в следующее мгновение, до конца домыслив смысл сказанного, вспыхнула так ярко, что лицо ее мгновенно залило краской. Сжав зубы, она процедила:

— Не нужно!

Когда кто-то в открытую спрашивает тебя, не хочешь ли ты в туалет — боже мой, да как об этом ни подумай, а все равно жутко неловко!

<http://bllate.org/book/21716/2243883>